

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.11)*

УДК 101

Д.О. Буркин*Северо-Кавказский федеральный университет**г. Ставрополь, Россия*

burkindmitry@yandex.ru

**СПЕЦИФИКА НОРМАТИВНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ:
СЛОЖНОСТЬ ОДНОЗНАЧНОГО
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОПИСАНИЯ****[Dmitry O. Burkin Specificity of the normative legitimation
of political power in Russia:
the complexity of an unambiguous socio-philosophical description]**

Socio-philosophical analysis shows that Russian society requires much more personalized and charismatic power than Western states. In Russia, normative legitimation through religion is traditional, that is, sacralization of power. The reasons for this lie in the peculiarities of the historical development of Russian society. However, it cannot be said that there is no legal legitimation in Russia. Along with religion, it is the law that legitimizes a political person who may not be approved by society. Power and society in the modern world are interconnected by hundreds and thousands of invisible communication links. At the same time, as soon as the authorities begin to consider society as a subject of the political process, there is an opportunity for a dialogue between them. Thus, the description of the processes of normative legitimation of political power seems problematic due to their specificity. For Russia, it consisted in the fact that power is legitimate only when it is connected with society by personal relations. For a long time, formal political institutions of power in Russian society have been perceived as legitimate not by themselves and not when they have undeniable formal legitimacy, but when the personality of a legitimate leader stands behind them.

Key words: society, political power, politics, religion, myth, law, legitimation, authority, normatization.

Феномен легитимности власти был одним из важнейших на всем историческом протяжении развития человечества, проявляясь в рамках различных типов социальности [2, с. 52–58], как специфических конфигурациях устройства социальной системы и социальных отношений [3, с. 31–36]. Действительно, «процесс легитимации власти является одним из важнейших в социальной динамике, так как устойчивое развитие любого социума возможно

лишь в условиях одобрения социальными субъектами действий управляющих обществом структур и институтов» [5, с. 19]. При этом термин «легитимация» имеет в основном политические референции. Но также процесс легитимации проявляется и в других сферах общественной жизнедеятельности. Так, отечественный исследователь А.В. Скиперских понимает под легитимацией «комплекс мер по конструированию репутации субъекта власти как исключительно благонадежного политического актора» и связывает её с процессом оправдания, подтверждения права данного субъекта на власть и возможное применение насилия [14, с. 55–59].

Разумеется, легитимации подвергаются не только субъекты, но и социальные институты, причём особенности этого процесса задаются спецификой и типом культуры, где он развивается. Если в государстве взаимодействие власти и общества строится на «общественном договоре», то гражданин обязан проявлять гражданское участие и создавать обратную связь, активно участвовать в обсуждении решений власти. Любой уход граждан из публичной сферы в приватную при таком типе связи фактически означает разрыв общественного договора. Власть в свою очередь реализует интересы граждан, открыто выражаемые в форме социального запроса, политической повестки дня, и обещает за эту реализацию поддержку и одобрение. Но только до тех пор и в той мере, в какой она реализуется.

В России традиционно отношения власти и общества строятся по другой модели: гражданин делегирует свои права субъекту власти и больше не имеет возможности для контроля за ним, он доверяет свои права, а не завоевывает их [8, с. 128–137]. Это создаёт гораздо меньшее напряжение для российской власти и обширные возможности для легитимации сакральными и даже мифологическими по своей сути механизмами [15, с. 41–47]. Также это создаёт возможность широко пользоваться административным ресурсом, в том числе и в сфере образования [4, с. 80–85], воздействуя как на социальные общности, так и на индивидов [13, с. 29–30].

Российское общество востребует гораздо более персонализированную и харизматичную власть, чем граждане западных государств, где институт политической власти и имидж самого института имеет гораздо более ценен в глазах общества, чем конкретный представитель этой власти. Правило сменяемости власти не приносится в жертву харизме лидера.

Политическая власть нормативно легитимируется и обретает собственные проекции только тогда, когда попадает в национальные и цивилизационные архетипы общественного сознания. Россия – не исключение из этого правила [10, с. 87–93]. Например, такой архетип как «преемничество», имеющий многовековую историю и почти не прерывавший своего действия на протяжении российской истории, хорошо отвечает образу власти. Поэтому общественное мнение в России хорошо принимает практику избрания политическими лидерами «преемника» и одобряет её, даже если это противоречит формальным процедурам избрания [1, с. 145–148]. Приоритетным в данном случае оказывается решение политического лидера.

Среди наиболее типичных способов нормативной легитимации власти в России исследователи чаще всего называют экономическую, через «экономическую стабильность» и через социальный капитал, что выглядит как «кредит доверия» вновь избранному лидеру. С ним связываются личные надежды, он представляется как способный разрешить существующие в обществе проблемы, возникает личностная симпатия к нему, в какой-то мере идеализация, обладающая которой лидер может быстро реализовывать даже самые непопулярные решения без возникновения социальной напряженности. В России, однако, сочетания персональной и институциональной легитимации власти не решались однозначно в пользу первой. Это сложный процесс взаимного дополнения институционального и персонального управления, который прервался в начале XX в. С революцией 1917 г. был утрачен институт формальной передачи абсолютной власти и ввиду революционности этой утраты стали возникать институты, замещающие его и обеспечивающие при этом необходимый уровень личностной и электоральной поддержки представителей власти.

В России традиционна нормативная легитимация через религию, то есть, сакрализацию власти. Причины этого кроются в особенностях исторического развития российского общества. Россия не прошла путь Европы, где в период реформаций местная власть светских правителей и князей оказалась обделена процедурами сакрализации и вынуждена была поддерживать протестантов, чтобы снова обрести механизмы религиозной легитимации. Однако нельзя сказать, что в России нет правовой легитимации. Напротив, в российской истории она успешно действовала на протяжении нескольких столетий. Обоснование законности передачи абсолютной власти монарха своему наследнику –

сама по себе легитимирующая процедура. И хотя это не согласуется с принципом демократии, можно сказать, что наряду с религией именно закон легитимирует политическую персону, которую может не одобрять общество.

Таково, например, воцарение Павла I, главным методом управления которого ввиду низкой легитимности стало насилие над подданными и его активная деятельность по урезанию прав дворянства. Значительная часть общества была недовольна тем, что на троне оказался он, а не его сын Александр, однако это было законно и подданные вынуждены были повиноваться. Формальная легитимация не подкреплялась истинной, неформальной. Процедурой «делегитимации» для Павла I стало физическое убийство, и отношение к этому событию стало показателем настоящей нелегитимности царя – обе столицы в день, когда было объявлено о смерти самодержца, почти неприкрыто праздновали и ликовали. Хотя есть источники, говорящие о том, что к самой личности Павла I отношение было гораздо более лояльное, чем к нему же как к политику [9, с. 78–88].

Интересно то, что после правления Екатерины II российские самодержцы уже позиционировали себя как «слуги народа». Н.М. Карамзин писал, что «государь не менее подданных должен выполнять свои святыя обязанности» [11, с. 19].

Процедуры правовой легитимации власти в России чрезвычайно важны для политической системы, однако учитывая культурные традиции, утрата властью неформальной поддержки общества означает, что власть неэффективна. Даже при хорошо налаженной, с технической точки зрения, формальной организации такая власть неизбежно сталкивается с неприятием, противодействием, саботажем своих решений, и тратит больше сил на удержание власти, чем на управление обществом. Только эффективная власть, легитимная как формально, так и неформально, может рассчитывать на понимание при проведении реформ в кризисные периоды.

Легитимность власти не является в полном смысле понятия объективным феноменом, как и многие другие переменные социально-политических отношений, она зависит от восприятия субъектов политики, от их идентичности, настроения и отношения. Ни один политический режим, включая демократию, ни один институт власти не бывает целиком легитимным в представлении всех субъектов общества. Россия не является исключением из этого правила даже в условиях социокультурных трансформаций, происходящих на фоне глобализации [12, с. 3201–3204]. Очевидно, что в связи с этим уровень

легитимности и ее воздействие на решения социальных субъектов как граждан в существенной степени субъективны. И если традиционная монархическая власть, использующая религиозную нормативную систему, ещё могла рассчитывать на более-менее гомогенную оценку своей деятельности и достижение в обществе согласия, то на сегодняшний день это стало невозможным: в стране существуют многочисленные развитые бизнес-элиты, СМИ, негосударственные общественные организации, профессиональные и этнические группы, каждая из которых имеет собственное представление о том, как именно должна вести себя власть и какие решения принимать. И это представляет определённую проблему как для практических способов легитимации власти, так и для их теоретического социально-философского описания.

Разумеется, власть, адаптируясь к потребностям общества, выделила в своей структуре различные сектора, каждый из которых ведёт работу с соответствующими организациями и группами влияния. Однако их координация сама по себе бывает непростой задачей, не говоря о том, что существуют программы общенациональной безопасности, на исполнения которой также требуются значительные усилия. Именно поэтому так важно ориентироваться в действиях на долгосрочное планирование, разрабатывать программы национального масштаба, ориентируясь на которые, органы государственной власти могут координировать друг друга и оптимизировать свою работу согласованно. Анализ долговременных сценариев развития может сам по себе выступать в качестве мощного легитимирующего фактора. С этими же сценариями могут быть связаны и индикаторы эффективности/неэффективности деятельности власти, потому что в условиях утраты идеологии единственной надежной системой оценивания достижений становится финансово-экономическая. И это позитивно для самой экономики и губительно для социальной и культурной сферы, например, науки, которые производят «доверительное» благо и никак не могут исполнять роль доходных сфер. Обречь их на самокупаемость означает неизбежно наблюдать за их деградацией.

Однако выстраивать долговременные сценарии развития в России сложно не только по причине недостаточности каких-либо материальных или финансовых ресурсов. Их надо планировать с особой осторожностью прежде всего по причине нехватки социального капитала, под которым можно понимать как доверие внутри групп, так и между ними. Отсутствие доверия между раз-

личными социальными группами – это рискогенный фактор для власти и настоящий барьер для проведения любых качественных общественных или экономических реформ [6, с. 35–38].

Люди, которые не желают договариваться между собой демонстрируют власти разнонаправленные социальные запросы, не говоря уже о том, что такое общество наполняется противоречиями и излишней социальной напряженностью. Реформирование любой общественной сферы на фоне отсутствия социального капитала – не только бесполезно, но часто и опасно: политические кризисы и даже социальные катастрофы чаще всего происходят во время или после таких реформаций. Тем более, когда речь идет о такой стране как Россия, где именно люди являются лимитирующим экономическим ресурсом, и любые реформы, расходуя лимитирующий ресурс, неизбежно приводят к проблемам демографии и человеческого капитала. Власть и общество в современном мире связаны между собой сотнями и тысячами невидимых коммуникационных связей. Со стороны власти это выглядит как оправдание собственных действий и верности утверждения о том, что в обществе может существовать только такая власть, и никакая другая. Отношения политической власти и общества, по большей части, начинают строиться на адекватности оценки потребностей общества, повседневных материальных и долгосрочных духовных интересов россиян. Как только власть начинает рассматривать общество в качестве субъекта политического процесса, возникает возможность диалога между ними. Это не всегда хорошо для власти и не всегда удобно, в этом случае снижается дистанция власти, открываются возможности для широкой обратной связи и критики власти. Упрощается возможность делегитимации, власть секуляризируется и оказывается втянутой в постоянный дискурс о собственных мерах управления. Таков демократический путь развития общества, он чреват для власти быстрой ротацией, высокой ответственностью, жесткой обратной связью, фактической невозможностью единолично принимать решения [7, с. 116–120]. Такая власть бывает коллегиальной, коллективной, выборной.

Несколько иная ситуация, когда народ оказывается в глазах представителей власти в качестве объекта. Это тоже приемлемый путь коммуникации, но характерный больше для традиционного и архаического общества, он требует специфической легитимации, как правило, религиозной или мифологиче-

ской, обеспечивающей сакральные механизмы оправдания и высокую дистанцию власти. В этом случае власть оказывается в авторитарном режиме сужает каналы обратной связи, выстраивая высокие ступени социальной иерархии, высшие из которых получают возможность давать эту обратную связь и сами при этом приобретают известную долю сакрализации и небольшую часть тех возможностей, которыми обладает монарх или единоличный правитель.

И совсем уж конфликтогенной и бесперспективной, с точки зрения легитимации, оказывается ситуация, когда власть настолько дистанцируется от общества, что перестает рассматривать его и не только в качестве субъекта, но и как объект. Это бывает в очень тяжелые, кризисные времена, когда нелегитимная власть воспринимает в качестве партнера или достойного оппонента не все общество, а только его часть. Глубокие противоречия, накопившиеся между остальной частью общества и властью, не позволяют им вступить в коммуникацию, и власть не видит способов это исправить. Такая ситуация сложилась во взаимоотношениях общества и власти в начале XX в., когда царь Николай II, игнорируя проблемы, накопившиеся в обществе, не смог удержать власть в своих руках, значительная часть российского общества воспринимало его власть как «чужую», игнорирующую его интересы. И на защиту этой власти выступила другая часть общества, с которой царское правительство было в субъект-субъектной и субъект-объектной связи.

Таким образом, описание процессов нормативной легитимации политической власти представляется проблематичным в силу их специфики. Для России она состояла (и сегодня всё ещё состоит) в том, что власть легитимна только в том случае, когда она связана с обществом личными отношениями. Всеобщая связь, права, формальные институты в российском обществе уже в течение длительного времени воспринимаются легитимными не сами по себе и не тогда, когда они имеют неоспоримую формальную законность, а тогда, когда за ними стоит личность легитимного лидера. Системы личных отношений часто заменяют формальные институты, ослабляя последние, а эмоциональное отношение к власти доминирует над рациональным расчетами, будь то позитивное отношение, безусловное принятие лидера или, напротив, негативация, отвержение по принципу личной антипатии. Такое отношение строится на переносе, экстраполяции собственной картины мира на социально-политический процесс и на действия власти. Это отражает известную «не-

освоенность» форм социальной реальности, в том числе политической. Такое отношение чревато тем, что те же самые люди, которые горячо и эмоционально поддерживают действия власти, готовы в любой момент сменить одни эмоции на другие, они «обижаются», «надеются» и каким-то личностным образом коммуницируют с властью, за неимением в арсенале других средств взаимодействия с ней.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Аржаев Е.В.* Имидж политических институтов как фактор легитимации власти в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2008. Т. 8. № 1. С. 145–148.
2. *Бакланов И.С., Бакланова О.А.* Методологические особенности исследования социальности как социально-философской проблемы // European Social Science Journal. 2013. № 12-1 (39). С. 31–36.
3. *Бакланова О.А., Душина Т.В.* Социальность как предмет социокультурного анализа // Социодинамика. 2017. № 6. С. 52–58.
4. *Болховской А.Л., Говердовская Е.В., Ивченко А.В.* Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. № 5. С. 80–85.
5. *Буркин Д.О.* Социально-философский анализ легитимации власти в условиях демократизации общества // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 19–27.
6. *Гасратова Ф.М.* Факторы легитимации власти // Вестник университета. 2014. № 7. С. 35–38.
7. *Гончаров В.Н.* Социально-философский анализ процесса модернизации в контексте аксиологических трансформаций общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 1. С. 116–120.
8. *Гончаров В.Н.* Политическая культура в контексте политического сознания // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 3. С. 128–137.

9. *Добровольская В.Е.* «Бедный Павел»: исторические анекдоты и городские легенды об императоре Павле I // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 78–88.
10. *Камалова О.Н., Карпун А.Б.* Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 87–93.
11. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.
12. *Колосова О.Ю., Несмеянов Е.Е.* Социокультурные трансформации в условиях глобализационных процессов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-14. С. 3201–3204.
13. *Микеева О.А.* Взгляд на проблему индивида в современной социальной философии // Актуальные проблемы философии, политологии и социологии. Сборник научных статей. Ставрополь, 2008. С. 29–33.
14. *Скиперских А.В.* Механизм политического текста в легитимации власти // Власть. 2007. № 10. С. 55–59.
15. *Baklanov I.S., Baklanova O.A., Erokhin A.M., Ponarina N.N., Akopyan G.A.* Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // Journal of History Culture and Art Research. 2018. V. 7. № 2. Pp. 41–47.

R E F E R E N C E S

1. *Arzhaev E.V.* The image of political institutions as a factor in the legitimization of power in modern Russia // Bulletin of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2008. Vol. 8. No. 1.
2. *Baklanov I.S., Baklanova O.A.* Methodological features of the study of sociality as a socio-philosophical problem // European Social Science Journal. 2013. No. 12-1 (39).
3. *Baklanova O.A., Dushina T.V.* Sociality as a subject of sociocultural analysis // Sociodynamics. 2017. No. 6.
4. *Bolkhovskaya A.L., Goverdovskaya E.V., Ivchenko A.V.* Education in a globalizing world: a philosophical view // Economic and humanitarian studies of regions. 2013. No. 5.

5. *Burkin D.O.* Socio-philosophical analysis of the legitimation of power in the context of democratization of society // Humanities and social sciences. 2020. No. 2.
6. *Gasratova F.M.* Factors of legitimation of power // Bulletin of the University. 2014. No. 7.
7. *Goncharov V.N.* Socio-philosophical analysis of the process of modernization in the context of axiological transformations of social relations // Economic and humanitarian studies of regions. 2019. No. 1.
8. *Goncharov V.N.* Political culture in the context of political consciousness // Economic and humanitarian studies of regions. 2012. No. 3.
9. *Dobrovolskaya V.E.* "Poor Paul": historical anecdotes and urban legends about Emperor Paul I // Traditional culture. 2013. No. 4.
10. *Kamalova O.N., Karpun A.B.* The main structural elements of political power // Humanities and social sciences. 2010. No. 1.
11. *Karamzin N.M.* A note about ancient and new Russia in its political and civil relations. M.: Nauka, 1991. 127 p.
12. *Kolosova O.Yu., Nesmeyanov E.E.* Socio-cultural transformations in the context of globalization processes // Fundamental research. 2015. No. 2-14.
13. *Mikeeva O.A.* A look at the problem of the individual in modern social philosophy // Actual problems of philosophy, political science and sociology. Collection of scientific articles. Stavropol, 2008.
14. *Skiperskikh A.V.* The mechanism of the political text in the legitimization of power // Power. 2007. No. 10.
15. *Baklanov I.S., Baklanova O.A., Erokhin A.M., Ponarina N.N., Akopyan G.A.* Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // Journal of History Culture and Art Research. 2018. V. 7. No. 2.

22 мая 2021 г.